

CEAHC № 71

ISSN 0136-0108 «CEAHC»

SAFE MODE

При поддержке Фонда кино

ЖУРНАЛ «СЕАНС»

Журнал создан в 1989 году
при поддержке киностудии «Ленфильм»
и Александра Голутвы

Концепция и составление

Любовь Аркус
Василий Степанов

Дизайн

Арина Журавлева

На первой странице обложки

«Суспирия». Дарио Ардженто. 1977

На второй странице обложки

«Примесь». Шейн Кэррут. 2013

На третьей странице обложки

«Капризное облако». Цай Минлян. 2005

На четвертой странице обложки

Джоди Фостер в роли Клариссы Старлинг.
«Молчание ягнят». Джонатан Демме. 1991

от редакции

Зона комфорта — опасная зона. Изменчивость и иллюзорность во всем: нас меняют соцсети, смартфоны, на нас воздействует информационная радиация. Мы ни в чем не уверены. Ловя ветер перемен, мы сторонимся прочных связей, во всем чуем подвох. Перепроверяем проверенное. Одно неверное слово — и вот вы уже на прицеле. Примеры на каждом шагу, но вот вам — далекий и оттого не такой острый: американский *Esquire* поставил на мартовскую обложку белого старшекласника. «Какими же идиотами надо быть!» — откликнулись социальные критики на репортаж о семнадцатилетнем школьнике, который не так прогрессивен, как того хотелось бы читателям. Материал вышел с подзаголовком: «Каково это — расти белым мужчиной из среднего класса в эру соцсетей, стрельбы в школах, токсичной маскулинности, #MeToo и разделенной страны». Да как они могли! Не успели мы отойти от «месяца черных историй» — и тут такое. Сам факт подобной дискуссии диагностирует тремор, в котором живет современное общество.

Все зыбко. Любое слово чревато конфликтом. В феврале соцсети уничтожили Adidas за белые кроссовки с черными стельками, призванные поддержать «черную культуру». Gucci огреб за свой неудачный черный свитер: «blackface haute couture» — модный дом будет долго помнить этот твит. Критика в твиттере выглядит особенно безапелляционно: там ничего не объясняют — просто навешивают ярлыки длиной в 140 знаков. Диалог едва ли возможен. Только крик.

В дисфункциональном мире, где любые новости могут оказаться фейковыми, а прошлое и будущее полны неприятных сюрпризов, пропорционально чувству тревоги растет желание перейти в «безопасный режим». Побывать в комфорте.

Safe Mode, режим ограниченной функциональности... Не нужно бояться, с вами ничего не случится. А может быть, это есть самое страшное? Ради безопасности человек готов на все: реформировать отношения

с близкими, зонировать общение с незнакомцами (телефонный звонок теперь может оказаться вторжением в частную жизнь), лишь бы уберечь себя от воздействия агрессивной среды. Недотрога и сам агрессивен: он не готов менять себя и не может изменить мир, но способен пожертвовать всем ради сохранения status quo. Забавная деталь — вопрос из анкеты для зрителей проекта DAU: «Согласны ли вы с тем, что каждый имеет право добиваться собственного счастья, даже если эта цель ведет к деструкции?» Да, кажется, согласны и готовы. Ритуалы призвания счастья могут быть поистине страшными. Тревожное место в этом мире — где-то между хрупкостью и комфортом — досталось кино. Сверхчувствительный проводник грез превратился в великого утешителя. Интернет подключил кинематограф к каждому отдельному пользователю, и сетевые кинотеатры превратились в идеальное сервисное пространство, расчищенное во имя безопасности и тщательно избегающее травматического опыта. Netflix убаюкает вас фильмами о конце света, Amazon постарается не потревожить Вуди Алленом — спите спокойно. Спите и смотрите свои сны. В центре этой зоны безопасности не фильм — а зритель, один-единственный пользователь, надежно упакованный в удобную ячейку. Теперь кинотеатр — нарциссическая кабинка. Мера всех вещей не условный «человек», а «Я», тщательно изученный и подсчитанный холодным машинным интеллектом пользователь. Но почему-то среди главных грез этого адепта безопасности — маньяки и антиутопические видения, секты и катастрофы. Фантазии стереотипны, но разнужданы. «Я» грезит о серийных убийцах, завидует: ведь они-то не скованы моралью и выбором, только — манией и почерком. «Я» боится и втайне ждет апокалипсиса, а вместе с ним обнуления не подлежащего исправлению мира. Действительно, а как еще раздвинуть границы своей интернет-кабинки?

Любовь Аркус, Василий Степанов

В номере

SAFE MODE

Safe Mode | О великом страхе 9

Любовь Мухоменко

Долгая счастливая жизнь | Плюсы негативного контента 16

Юрий Сапрыкин

С вами говорит телевизор 20

Василий Степанов

Мышеловка | Слабая драматургия Ангелы Шанелек 26

Катерина Белоглазова

Спета песенка небес | Пустой звук Брэди Корбета 33

Максим Семеляк

Последнее аналоговое детство | Достоверный герой Джоны Хилла 41

Никита Смирнов

Страдальцам снятся синтетические сны | Мании в понимании Netflix 47

Татьяна Алешичева

Ты со мной говоришь? | После Брессона, Бергмана, Тарковского 50

Вероника Хлебникова

РИТУАЛ

Служба исполнения приговора | Очищение ужасом 58

Алиса Таежная

Жертва вечерняя | «Мир полон тайн» Грэма Свона 64

Ксения Рождественская

Помимо полицейских сводок 68

С Грэмом Своном беседует Ольга Касьянова

Супергерои и жертвы Youtube | Русские горки Олега Мавроматти 74

Алексей Артамонов

АПОКАЛИПСИС

апокалипсис в мониторе

Одиночный просмотр | Netflix
и зритель 82

Василий Степанов

Netflix | Хронология 86

апокалипсис в кинобудке

Ты выглядишь так
несовременно | Мнимый конец
пленки 88

Андрей Карташов

апокалипсис в архиве

Оригинал пропадает
и находится | Кино между музеем
и Netflix 94

Михаил Ямпольский

апокалипсис в лесу

Новое дело в старой одежде |
Кино на Уолденском озере 106

Никита Смирнов

«Я не встречал и никогда не
встречу никого хуже себя» 120

Из книги Генри Дэвида Торо
«Уолден, или Жизнь в лесу»

апокалипсис чужой

Вот мы и дома 124

Из книги Джеффа Дайера «Зона»

апокалипсис свой

Инерция учтивости | О «Белом
коридоре» Владислава

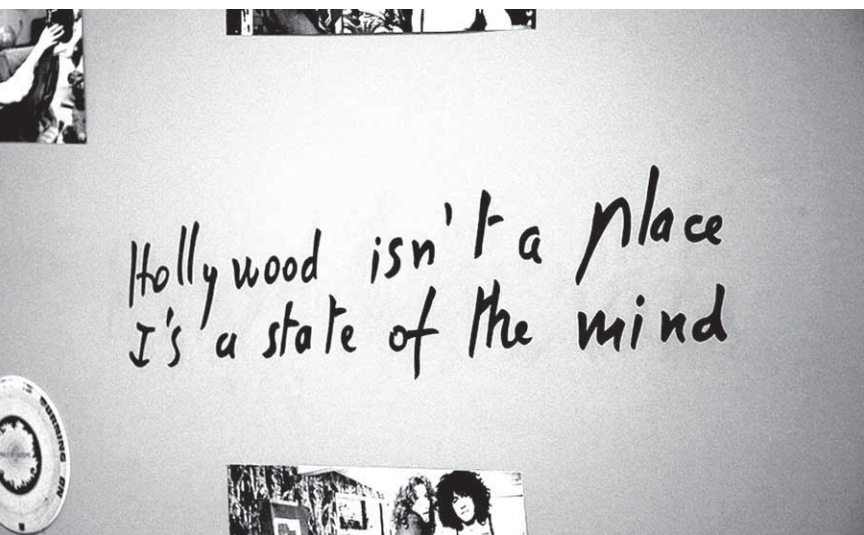
Ходасевича 130

Варвара Бабицкая

I walked across
the park. There
was a fantastic
feeling of
Spring
in the air.

апокалипсис в ландшафте

Пустые пространства
в западном кинематографе
до 1960 года | Фрагмент 138
Алина Рослякова

апокалипсис в детской

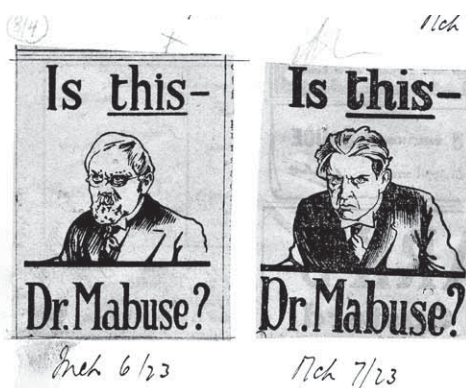
Лего и другие кошмары |
Хеппи-энд с перезагрузкой 150
Дарья Серебряная

апокалипсис в кинозале

Шанти шанти шанти | Покой
и воля 156
Андрей Карташов

апокалипсис в утешение

В комнате моей светло |
Берлинская школа как
последний приют 162
Василий Корецкий

НОВЫЙ ГЕРОЙ: МАНЬЯК

Он все еще здесь | От Банди

к Брейвику 168

Дарья Серебряная

Маньяк: История вопроса 175

Алексей Гусев

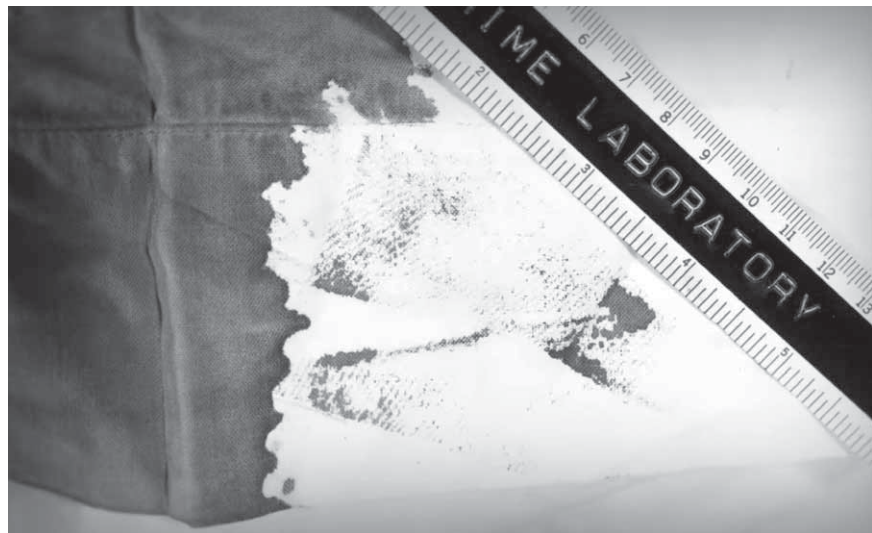
Нестрашная фантазия |

Многосерийный убийца 187

Маргарита Кирпикова

Сбой в системе | Две Утопии 194

Алина Рослякова

УХОДЯТ

мая туровская

«Пора переходить к благородной

тусклости» 204

Любовь Аркус

Человек, который

сомневался 208

Михаил Ямпольский

марлен хуциев

Необходимое счастье

бытия 216

Наум Клейман

георгий данелия

Путь к причалу 226

Дмитрий Савельев

p. s.

Распалась связь времен 234

Петр Багров

Авторы номера 236

satisfy mode

Noli me tangere («Не прикасайся
ко Мне»). Фра Анджелико.
1437–1446

Safe Mode

О великом страхе

Любовь Мультенко

«Жертва» — сильное слово, сильным оно родилось когда-то из настоящей крови. Родилось, чтобы означать существо, приговоренное обществом к высшей мере во имя богов. Мир, к счастью, становился все гуманнее, порог входа в жертвы — все ниже. Сейчас жертвой называется любовью безвинно пострадавший человек. Пострадавший — в самом широком смысле. Если человек говорит, что ему плохо — не подвергайте сомнению повод. Не бывает поводов ничтожных: плохо — значит, плохо. Среди нас, живущих при новой этике, гуляют неотомщенными — жертва пасмурной погоды, жертва недостаточно вкусного маффина, жертва чересчур громкой музыки в такси. Одно и то же определение можно применить к человеку, которого изнасиловали, и к человеку, которого задела сексистская выходка. Вот жертва холокоста, а вот жертва неэтичного поведения. В моей студенческой тусовке было в ходу слово «жертвить», то есть относиться к себе излишне нежно. Например, зовут человека кататься на лыжах, а он: «Ну я не знаю, у меня похмелье, на улице мороз». А ему в ответ: «Не жертви!» Неизвестно, сколько травм было нанесено этим «не жертви!». Вдруг кто-то прямо сейчас говорит психотерапевту: — Пермь, 2003 год, мои друзья совершили надо мной эмоциональное насилие. — Неудивительно, — отвечает психотерапевт. — Пятнадцать лет назад, дикое токсичное время, засилье

обесценивания. Теперь время получше, но все равно еще работать и работать!

По новым правилам 2019 года («оправдывай и уточняй каждый шаг и каждое слово, хотя и это тебя не защитит от тех, кому ты нечаянно испортил настроение, но все же») — дисклеймер: пример — пародийный, я перегибаю для ясности.

Перегибаю в ответ на перегибы тех, кто «работает и работает» над осознанностью — причем, не в жанре пародии, а всерьез.

Работа ведется по двум фронтам: просвещение и обличение. Миссионеры традиционно никого не спрашивают — хочет он в дивный новый мир или нет. Армия, озабоченная обороной границ личности, подошла к моим, например, границам так близко, что (в переводе на армейский) это тянет на абьюз. На войне, даже на войне с насилием, без насилия не обойтись.

**на первый взгляд
у этой войны
женское лицо. то
есть — мое.**

Основной аргумент: исторически доминирующие мужчины должны исторически угнетаемым женщинам. Как, например, потомки нацистов должны потомкам евреев.

Так, но не совсем. У фем-активисток «вы нам должны» мутировало в «теперь наша очередь». Наша очередь подчинять своей воле и декларировать норму для всех. Если ты не с нами, говорят сестры, значит, ты с угнетателями. Ты мизогиничка. Ладно, мизогиничка поневоле. Тобою движет генетическая память, опыт забытых советских мам и бабушек. Патриархальный след так быстро из организма не выводится. Мы понимаем. Но ты уж, будь добра, перевоспитывайся. Иди в ногу с этикой. Разговоры о генетической памяти, на которую мы обречены, напоминают разговоры о памяти матки и телегонии. Впрочем, это не единственный повод задуматься

о нечаянном сходстве хранителей скреп и амбассадоров новейших ценностей.

И те, и другие — за заповедные зоны, где недопустима ирония.

И те, и другие — за округление любой ситуации до одного из двух полюсов по шкале «добро/ зло», «правда / ложь», «виновный / невиновный». И те, и другие не согласны учитывать сложность и неповторимость конкретного человеческого случая. И у тех, и у других есть оправдание: мы живем в военное время, нам не до полутонов (скажите, когда время было невоенным?).

И те, и другие — за нравственную безупречность. За

соответствие высокому моральному канону. Они (и те, и другие) знают, какому.

И те, и другие — за агрессивную профилактику и назидательную порку. За удушение зла в зародыше. Тут как с джазом и родиной. Тут как с сегодня пьешь пиво, а завтра колешься. Пусть начинающий нарушитель огребет во время показательного процесса как взрослый преступник, чтобы всем было неповадно. Установление нового строя, как и сохранение старого доброго, требует жертв (которые, кстати, статуса «жертвы» не получают, а получают только статус щепки при рубке леса).

И самое главное общее — оскорбленные чувства. Вот та осевая точка, в которой подлинно слились правые и левые, ретрограды и революционеры.

Когда был принят закон об оскорблении чувств верующих, многие возмутились, разглядев в нем опасно обширные возможности для цензуры и манипуляции.

При этом среди противников закона хватает тех, кто с радостью заменил бы «верующих» на (к примеру) «меньшинств».

Не столько женское, сколько оскорбленное лицо у этой войны.

Не фем-активистки против маскулинных угнетателей, а скорее, мультиполовая санинспекция против всякого намека на оскорбление. Самозародившееся коллективное ревизорро, которое на белоснежном коне врывается в кухни, точнее, онлайн-версию кухонь — в комментарии.

У разных блюстителей разного — разные словарики. Партсобрание говорило на бюрократическом языке. Движение оскорбленных выбрало лексику психотерапии и ее же риторику.

Базовое понятие — травма, а процесс нанесения травмы связан с нарушением границ, а нарушение границ — это форма насилия, то есть абьюза, и, наконец, венчается вся конструкция персоной абьюзера, который обесценивает чужие чувства.

Но я не упомянула еще одно слово (собственно, слово прошлого года по версии Оксфордского словаря) — «токсичный».

Токсичностью многое объясняется. Каждую несчастную любовь или расстроившуюся связь легко списать на чужой яд, который все и разъел. Дело не в тебе, шепчет соблазнительная психотерапевтическая оптика, ты ни в чем не виноват, ты хороший — просто посмотри на ситуацию через меня. Ситуация, кстати, может быть любой. Любые отношения, если поглядеть в должным

образом настроенный бинокль, тянут на токсичные. Листая справочник психических расстройств, обязательно найдешь у себя половину симптомов — найдешь и тут. Только не у себя — у другого. И это принесет тебе не тревогу, а утешение. Неудивительно, что люди с таким азартом занимаются гипердиагностикой.

Наверное, человек имеет право на самообман ради самоутешения. Но детокс жертвы предполагает утешение через обвинение. Не просто «я хороший и страдаю», а «я хороший и страдаю, потому что кто-то плохой нарушил границы».

Нежная жертва бестрепетно запускает механизм травмы в соцсетях, ничуть не заботясь о нежности обидчика. На сцену выходит хор радикал-гуманистов, и начинается буллинг. Одинокий человек против коллектива — вот что реально страшно. Если уж говорить о постсоветской травме и генетической памяти, то вот они. Мир стал, как я уже говорила, гуманным, но гуманность его избирательна. Нарушение границ личности в иерархии грехов стоит так высоко, что допустима самая жестокая самооборона.

Но мне не дает покоя сам концепт — охрана границ.

почему охранники исходят из того, что личность в гармонии своей герметична, а разгерметизация — всегда на чужой совести?

Чтобы проверить свои границы, подросток рискует, лезет туда, где страшнее всего. Предполагается, что однажды он вырастет и говорит: «Мне все ясно, границы — тут». Не пересекайте. А кто-то пересек и сам не понял. Или в своей реальности он не пересек, а в твоей — да. У него субъективная карта в голове. И у тебя тоже субъективная. Несубъективных карт не бывает. Исчерпывающий универсальный атлас — это утопия. Или, скорее, антиутопия.

Границы личности закрыты, действует визовый режим, а нелегалов пасут пограничники и ФМС. Люди прячутся

Choose Advanced Options for
(Use the arrow keys to high

Safe Mode with Networking
Safe Mode with Command P

от токсичной жизни в полупрозрачных саркофагах — и не дай бог, в оболочке возникнет пробоина. Не дай бог, жизнь польется сквозь нее — проклятая и прекрасная, не вмещающаяся в слова. Не дай бог, заживешь: жить — опасно.

Когда нарушаешь чужие границы, или когда чужой — твои, или когда ты пересматриваешь и, например, отодвигаешь собственные — ты меняешься. Так пишется история твоего опыта. От сложности и неудобства бывает не только травма, но и откровение, и знакомство с собой. Наверное, опять пришло время уточнить: я не призываю жертв изнасилования радоваться новому удивительному экспириенсу, я предлагаю жертвам оскорбления чувств не впадать в ипохондрию.

Но наложи на ипохондрию фильтр «внимательное отношение к себе» — и она из невроза превратится в доказательство психологической зрелости. В повод для гордости. И даже — отчасти — в социальный долг. Следить за гигиеной в отношениях так же необходимо, как чистить зубы и проходить медицинские чекапы. Присущая новой этике новая щепетильность как бы говорит нам: нет здоровых людей, есть недообследованные. Поскреби себя — и доскребешься до жертвы.

Эталонный путь — это не путь благополучного и психически стабильного человека без обид в анамнезе. Эталон — заполучить травму, проработать ее, покарать виновного и завести блог на оптимистичном языке, антидекадентском и рациональном. Если ты ни разу

не залетал, с тобой что-то не так, темнишь. Если залетал, но справлялся иначе и не квалифицируешь свой случай как абьюз — не дорос. Если твой абьюз тебе дорог — мазохист.

— Культи «здоровых отношений» способен и сам стать нездоровой привычкой, ведущей к одержимости каждого своей травмой и способами ее преодоления «...», — пишет на Colta.ru журналистка Полина Аронсон. — Ведь, судя по женским журналам, не «вышла из токсичных отношений» — считай, не жила.

Мы упаковали экзистенциальный ужас в термины. Мы разработали систему хранения внутреннего ***** [ужаса]. Мы потребляем ***** [кошмар] экологично и умеренно. Этично. Я не боюсь сказать, но я боюсь всего неконструктивного. Все неконструктивное — деструктивно. Я учусь управлять иррациональным, чтобы оно меня не разрушало. Я тщательно ищу свой случай в психотерапевтической базе данных.

Твоего случая там нет. Его там нет никогда, потому что и тебя самого никогда раньше не было. Можно прибавиться к чужим похожим случаям, но тогда потеря смысла, точности и правды — неизбежна. Но кого это волнует, раз пришло время борьбы с неведомым и темным. Время приручения бессознательного (через осознанность). Страдать уже не модно. В страстях никто больше не видит красоты и пользы.

красив — комфорт, моден — психический ЗОЖ.

Не драматизируй, говорят психозожники. Хотя они же регулярно говорят «драматизируй, имеешь право».

Недавно в американском университете отменили спектакль «Монологи вагины», потому что он «трактует феминизм исключительно в пользу цисгендерных женщин». Ну да, в конце концов, существуют люди без вагин, которые идентифицируют себя как женщин, и их это может обидеть.

Радиостанция в Огайо в ответ на жалобы бдительных слушателей сняла с эфира рождественскую ретро-песню *Baby It's Cold Outside*. По сюжету «детка» собирается домой, а лиргерой уговаривает ее остаться, «ведь на улице так холодно». Она же ему ясно сказала «нет», а он

все гнет свое, скотина, убалтывает! Пока МеТоо бьется за вашу и нашу неприкосновенность, шлягер родом из сороковых годов пропагандирует харассмент — разве это не оскорбительно?

Двадцать лет назад *South Park* высмеивал доведенную до абсурда охоту на харассеров. Стэн обзывает Картмана жополизом, а Картман трактует это как сексуальное домогательство. Вдохновленные его успехом в суде, жители Южного Парка один за другим объявляют себя жертвами харассмента.

Любопытно, как борцы за свободу быть любым (например, женщиной без вагины) укрепляют новое пури-танство, а потом сами же спотыкаются об него, когда, например, Facebook вводит запрет на сексуальную тематику. Трактую «секс» так же вольно, как SJW-активисты трактуют оскорбление, домогательство, или сексизм, Facebook блокирует невинные тексты. Тут как с законом о чувствах верующих: стоит зыбкой зоне перейти под контроль цензуры — жди потерь. Нет разницы между запретом текста по ханжеской статье «гей-пропаганда» и по справедливоборческой статье «сексизм». В обоих случаях ты дискриминируешь автора и без спросу лишаешь аудиторию информации. Нельзя отбирать у людей язык (и слово «квир» нельзя, и слово «телочка»).

В конце концов, диктатура жертвы едва ли приведет к сокращению числа жертв. Скорее, наоборот — постепенно жертвами признают себя все. Потому что объявить себя жертвой — это единственный способ почувствовать себя в безопасности в гиперэтичной реальности. Сейчас, в реальности переходной, я чувствую себя пораженной в правах: новая этика лишает меня права на сложную позицию, на жизнь без регистрации в одном из двух лагерей. В этом смысле странно называть такую (вновь черно-белую) этику «новой». В стариннейшее, даже архетипическое уравнение в очередной раз подставили другие переменные.

Я пишу этот текст с великой осторожностью, которая растет из великого страха обидеть кого-то. Я понимаю, что все равно обижу и буду обижена в ответ. Что те, кто придет за мной, не станут стесняться в выражениях, потому что я первая начала, а они — жертвы.

Справедливости ради, я начала не первая.

И не первая и не единственная я хочу, чтобы мир меняли неуверенные, чтобы мир неуверенно менялся. Неуверенно и не до самого последнего совершенства.

Чтобы все в мире совершалось медленно и неправильно, а человек не загордился.

Долгая счастливая жизнь

Плюсы негативного контента

Юрий Сапрыкин

Мы работаем над тем, чтобы сделать наш сервис более безопасным и защищенным. Эти или похожие слова — стандартная формула корпоративной вежливости: что-то пошло не так, клиент пострадал, виновные наказаны, компания приносит извинения и обещает исправиться. «Что-то» в этом случае — как правило, нечто такое, что угрожает безопасности и благополучию клиента: например, в открытый доступ попал его домашний адрес или с карточки списали лишнее. Нарушены базовые правила цифрового общежития. В этом пространстве, где все построено на передаче или обмене данными, блокпосты и заграждения должны быть расставлены так, чтобы пользователь мог контролировать и управлять той частью данных, которую можно считать его собственностью: именами, паролями, явками, содержимым «Яндекс.Кошелька»; важно, чтобы цифровой дом хотя бы в какой-то степени оставался (или ощущался) цифровой крепостью (даром что стены этого дома по определению прозрачны). Мы работаем над тем, чтобы сделать сервис более защищенным: это значит происходит усиление контрольно-пропускного режима, и все чаще оно работает в обе стороны. Сервис защищает от несанкционированного распространения наши личные данные — но и контролирует входящую информацию; когда вы слышите слова «фильтрация контента» — речь именно об этом. Весной 2019-го платформа «Яндекс.Дзен» попала в новости, предложив своим авторам убрать слово «секс»

из статьи о сериале Sex Education и удалить картину Франсуа Буше «Геркулес и Омфала» (холст, масло, ГМИИ им. Пушкина) как вызывающую нежелательные ассоциации: и то и другое в логике сервиса подпадает под категорию «откровенные материалы». Сервис также ограничил показ материалов Фонда по борьбе с лейкемией: модераторы объяснили это тем, что «далеко не все пользователи хотят видеть публикации, вызывающие негативные эмоции».

В этом нет ничего удивительного: люди занимались «фильтрацией контента» с древнейших времен, в любой вменяемой редакции есть свод правил и этических норм, определяющий, какие темы лучше не трогать и какие выражения не употреблять (и мы еще не говорим о цензуре!).

Но есть тонкое отличие: традиционная газета или даже телеканал, накладывая на себя ограничения, думает прежде всего об уменьшении общественного вреда — грубо говоря, о том, чтобы дети не плакали, люди с суицидальными наклонностями не лезли в петлю, а потенциальные террористы не вдохновлялись бы примерами для будущих акций. На онлайн-платформах, которые занимаются не производством информации, но лишь ее распределением, фокус смещается на конкретного пользователя — вернее, на те эмоции, которые он может испытать, столкнувшись, например, с неподобающей лексикой или изображениями обнаженной натуры. Платформы заботятся не об общественном благе, но о наших чувствах;

«Геркулес и Омфала». Франсуа
Буше. 1732–1734

Венера Милосская. Предп. Александр Антиохийский. 130–100 до н. э. Дискобол. Мирон. 460–450 до н. э.

к чести «Яндекс.Дзена», его правила — а значит, и представления о том, что может травмировать чувства пользователя, — прописаны максимально подробно. На платформе, например, запрещены описания или изображения жертв катастроф, травм и болезней, недопустимы картинки с «животными, вызывающими отвращение»; в черном списке также «слова и образы, вызывающие сексуальное возбуждение» и «любые языковые

и художественные средства для выражения ненависти». Все, что лучше не показывать детям — и что может ранить, обидеть, вывести из зоны комфорта взрослого. Примерно тот же набор — сцены насилия, обнаженка и язык ненависти — отфильтровывается и другими платформами; Facebook периодически добавляет к списку нежелательных тем нечто более экзотическое — так, недавно под запретом оказались посты антипрививочников. Впрочем, устройство фейсбучного алгоритма остается одной из жгучих тайн века, и можно только гадать, обилие фотографий еды в нашей ленте — это следствие того, что наши френды постоянно едят, или картинки с едой показывают специально, чтобы настроить нас на «позитив»? Нельзя сказать, чтобы алгоритмы онлайн-платформ волюнтаристски «решали все за нас» — Цукерберг, конечно, тиран, но кто четыре миллиона раз нажал на кнопку «пожаловаться»? За настройкой алгоритмов, в соответствии с которыми выстраивается, например, фейсбучная лента, определенно скрывается некоторое представление о человеческой природе — о том, как устроены люди вообще и что для них благо. Например: среди человеческих эмоций можно выделить негативные, они для человека вредны, они вызваны внешней причиной, и эту причину можно устранить. При внимательном рассмотрении может оказаться, что каждое из четырех утверждений, которые принимаются здесь за аксиому, можно поставить под вопрос — и наверняка эти утверждения нельзя признать абсолютной истиной, но они по состоянию на сегодня соответствуют представлению о себе, которое разделяют неисчислимые множества пользователей платформ. Негативные эмоции вредны, у них есть внешняя причина, ее можно устранить — на этой понятийной почве строится пришедший из популярной психотерапии язык «токсичности» и «выстраивания границ», попытки исключения из социальной и информационной среды всех раздражающих факторов, стремление к созданию safe space, которое исключало бы все потенциально травматичные контакты с внешним миром.

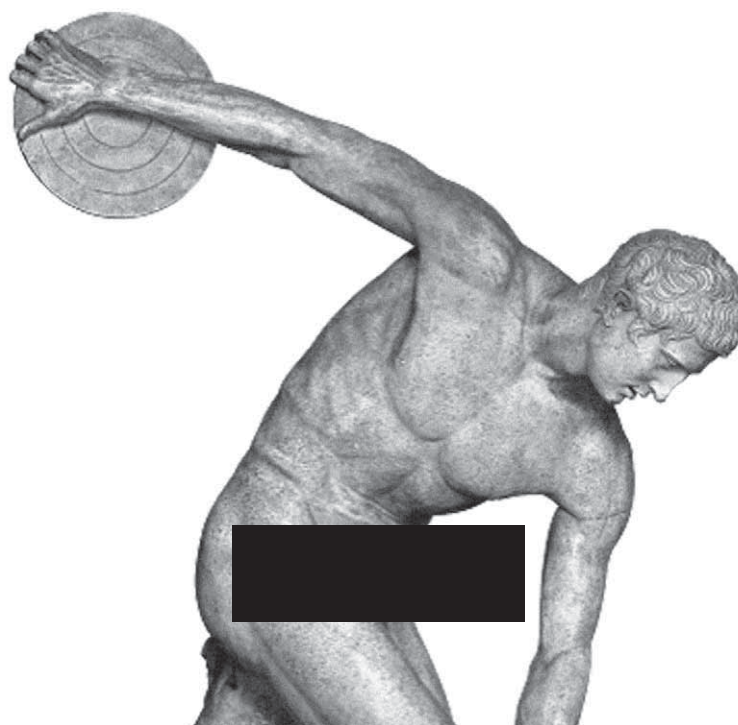
Это стремление не только влияет на фильтрационные правила онлайн-платформ. Оно перестраивает язык и меняет нормы общения, выстраивает новые разграничительные линии в коммуникации — где любое выражение несогласия и непонимания могут быть маркированы как «буллинг» или «обесценивание», — заставляет пользователей рефлексировать о травмах, нанесенных токсичными твитами, или требовать удаления из университетов преподавателей с «токсичными

взглядами». Усиление блокпостов, которые должны подавить негативные эмоции, происходит как в стане распространителей информации, так и в лагере ее потребителей — причем в последнем случае источником «шокирующего контента» (требующим немедленного осуждения и устранения) могут быть объявлены практически любые слова и действия: человек, испытывающий «негативные эмоции», всегда прав и всегда способен безошибочно указать, что стало их причиной. Платформы лукавят, блокпосты не видят угроз, лежащих в иной плоскости, пользователи не всегда ведают, что творят. Возможно, все разговоры про «кибербуллинг» и «токсичный контент» — это попытка психологизировать, перенести в плоскость чувств и отношений то, что на самом деле технологически встроено в природу социальных медиа. Переживая из-за токсичных твитов, мы не всегда обращаем внимание, что источником невроза и обостренных реакций может быть само бесконечное мелькание твитов: нахождение внутри этого потока мелко дробленной информации лишает покоя и психологической устойчивости, даже если лента сплошь состоит из радужных котят. Пытаясь устранить источники «токсичности», движимые самыми благими намерениями, мы устраиваем чудовищных масштабов словесные бои без правил, в которых токсичности, оскорблений и психотравм оказывается на порядки больше, чем собственно в источнике (о котором быстро забывают). И единственным победителем в этих боях всегда оказывается компания, на платформе которой бои происходят: архитекторы вашей френдленты — как бы они ни декларировали стремление сделать ее более психологически комфортной — прекрасно знают: ничто не заставляет нас так часто нажимать на кнопку «обновить страницу», как гнев и раздражение, ощущение, что «в интернете кто-то неправ».

Настройка алгоритма — это еще и политическое решение. Запуская механизмы фильтрации и персонализации, подстройки под чувства и интересы пользователя, платформы на самом деле говорят: мы лучше тебя понимаем, что тебе надо. Мы изучили твое поведение в сети, мы знаем, от каких фотографий и новостей тебе становится не по себе, мы можем точно предположить, на какой заголовок ты кликнешь. То, что тебе нужно, — это более или менее то же самое, что было нужно вчера: мы исходим из того, что твои интересы неизменны, твое настроение должно быть умеренно позитивным, ты должен чувствовать, что все на этой платформе устроено

максимально удобно для тебя. Получая отфильтрованный «контент», совпадающий со своими заранее понятными интересами, пользователь оказывается в замкнутом круге, состоящем из отражений самого себя. В ленте не должно быть ничего такого, что выбивало бы из равновесия, подталкивало бы к тому, чтобы вырваться за флажки, стать кем-то принципиально, онтологически другим, разглядеть в контурах социума нечто, требующее радикального изменения, — а не что-то раз и навсегда данное. Возможно, мы привыкаем психологизировать то, что имеет политическую природу. И повальную депрессию вызывают не «токсичные отношения», в которых все вокруг, как будто сговорившись, одновременно оказались, а сам интерфейс нынешнего социального устройства. Та «унылая дистопия», о которой писал недавно ушедший из жизни британский философ Марк Фишер, с ее тотальной неуверенностью и нестабильностью, невротической гонкой за повышением собственной продуктивности, уничтожением приватности и свободного времени, идиотскими шутками и фальшивым оптимизмом селебритиз, бесконечными сиквелами стандартизированных хорроров и фэнтези, так-себе-впечатлениями, средними по палате «позитивными» эмоциями, парадными отчетами о новых проектах (работа над которыми стала для тебя, конечно же, вызовом, и которые, конечно же, изменят мир к лучшему), заранее рассчитанными маршрутами досуга, вечеринками, которые посещают твои друзья, сериалами, похожими на те, которые тебе уже нравятся. Это безопасное и защищенное пространство, и сегодня в нем тот же день, что был вчера.

Художественный руководитель мастерской «Сеанс»
Главный редактор
Любовь Аркус

Шеф-редактор
Василий Степанов

Арт-директор
Арина Журавлева

Редактор
Петр Лезников

Корректоры
Анна Изакар, Валентина Кизило, Анна Сусид

Фотограф
Ирина Штрих

Главный бухгалтер
Татьяна Столбова

Ответственный секретарь
Ирина Толпарова

Менеджер по распространению
Григорий Галкин

Юридическое сопровождение
Адвокатское бюро «S&K Вертикаль»

«СЕАНС» БЛАГОДАРИТ

Первый канал
и лично Константина Эрнста

Фонд кино
и лично Вячеслава Тельнова

Millhouse Capital
и лично Эльнару Гусейнову

Центр документального кино
и лично Софью Капкову

Журнал «Артгид»
и лично Данилу Стратовича

Кинокомпанию «СТВ»
и лично Сергея Сельянова

Туристическую компанию ITS
и лично Викторию Шамликашвили

Фонд «Альма Матер»

Антонa Малышева

Ксению Раппопорт

А также всех, кто оформил подписку на журнал

Мастерская «Сеанс»
197101, Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., д. 10
+7 (812) 237-08-42

Для лиц старше 16 лет.

Подписано в печать 11.05.2019. Формат 235 мм × 275 мм.
Печать офсетная. Отпечатано в SIA PNB Print. «Янсилы»,
Силакрогс, Ропажский район, Латвия, LV-2133.